

РУССКИЕ ЗА РУБЕЖОМ RUSSIANS ABROAD

Сибирь гуманитарная. 2025. № 4. С. 103—113.
Siberia Humanitarian. 2025;(4):103—113.

Русские за рубежом

Научная статья
УДК 82-94:929-054.7(47)"19"
EDN SDESLR

Между империями и судьбой: книга Ксении Павловны Мит «Evelyn»

Анна Сергеевна Быкова

Независимый исследователь, Грейстоунз, Ирландия, abykovaireland@gmail.com

Аннотация. В статье представлена книга «Evelyn» Ксении Павловны Мит (Xenia Meath), посвященная судьбе ее бабушки Ивлин Грин (1880—1944) — представительницы высшей британской аристократии и супруги русского дворянина, генерал-майора Павла Павловича Гудим-Левковича (1873—1953), служившего российским военным агентом в Греции накануне и в годы Первой мировой войны. На материале семейных архивов, писем и воспоминаний автор книги воссоздает жизнь Ивлин Грин на фоне эпохальных потрясений первой половины XX в. В статье не только освещен сюжет книги, соединяющий мемуарный и реконструктивный жанры, но и представлен культурно-исторический контекст, женский взгляд на историю русской эмиграции и дипломатическую среду начала XX в. Особое внимание уделено уникальной коллекции генерала Гудим-Левковича, ставшей частью собрания Датского военного музея, и роли публикации «Evelyn» в сохранении памяти об ушедших поколениях.

Ключевые слова: Ивлин Грин, Павел Гудим-Левкович, русская эмиграция, белая эмиграция, история дипломатии, Первая мировая война, коллекция военной формы, историко-культурное наследие, мемуары

Для цитирования: Быкова А. С. Между империями и судьбой: книга Ксении Павловны Мит «Evelyn» // Сибирь гуманитарная. 2025. № 4. С. 103—113. EDN SDESLR.

Original article

Between Empires and Destiny: Xenia Pavlovna Meath's "Evelyn"

Anna S. Bykova

Independent researcher, Greystones, Ireland, abykovaireland@gmail.com

Abstract. This article presents Xenia Pavlovna Meath's book *Evelyn*, dedicated to the life of her grandmother, Evelyn Greene (1880–1944), a member of the British aristocracy and the wife of Russian nobleman Major General Pavel Pavlovich Gudim-Levkovich (1873–1953), who served as a Russian military agent in Greece on the eve of and during World War I. Using family archives, letters, and memoirs, the author recreates Evelyn Greene's life against the backdrop of the epochal upheavals of the first half of the 20th century. The article not only illuminates the book's plot, which combines memoir and reconstructive genres, but also presents its cultural and historical context, a female perspective on the history of Russian emigration, and the diplomatic environment of the early 20th century. Particular attention is paid to the unique collection of General Gudim-Levkovich, which became part of the Danish War Museum collection, and the role of the publication *Evelyn* in preserving the memory of bygone generations.

Keywords: Evelyn Greene, Pavel Gudim-Levkovich, Russian emigration, White emigration, diplomatic history, World War I, military uniform collection, historical and cultural heritage, memoirs

For citation: Bykova A.S. Between Empires and Destiny: Xenia Pavlovna Meath's "Evelyn". *Siberia Humanitarian*. 2025;(4):103—113. (In Russ.). <https://elibrary.ru/sdeslr>.

Двадцать третьего августа 2025 г. в рамках Недели культурного наследия Ирландии Ксения Мит (Xenia Meath) открыла двери своего прекрасного старинного дома Киллруддери Хауз (Killruddery House)¹, чтобы представить только что вышедшую в свет книгу «Evelyn» (рисунок). В откровенной беседе с волонтером-архивистом имения перед гостями ожил образ бабушки Ксении — Ивлин² Грин (1880—1944), незаурядной женщины, чья жизнь прошла сквозь бури Европы первой половины XX в. — от туманных берегов Англии до юга Российской империи, от Belle Époque и шикарных балов на юге Франции до лагеря для политических заключенных в Германии. Российскому читателю судьба Ивлин особо интересна: она была замужем за русским дворянином, офицером Павлом Павловичем Гудим-Левковичем (1873—1953) и почти десять лет провела с ним

¹ Киллруддери — историческое имение семьи Брабазон, графов Мит, с 1618 г. Расположенное на 800 акрах в графстве Веклоу, оно известно живописными формальными садами XVII в., длинными прудами и садовым театром с высокой живой изгородью, также действует как ферма. Имение открыто для посетителей большую часть года, здесь проводятся культурные мероприятия, при этом оно остается настоящим семейным домом, где сейчас живут три поколения. Входит в Ассоциацию исторических домов Ирландии.

² В старой русской традиции имя переводилось как Эвелин, мы же будем следовать современной традиции и тому, как имя произносила внучка героини Ксения Мит.

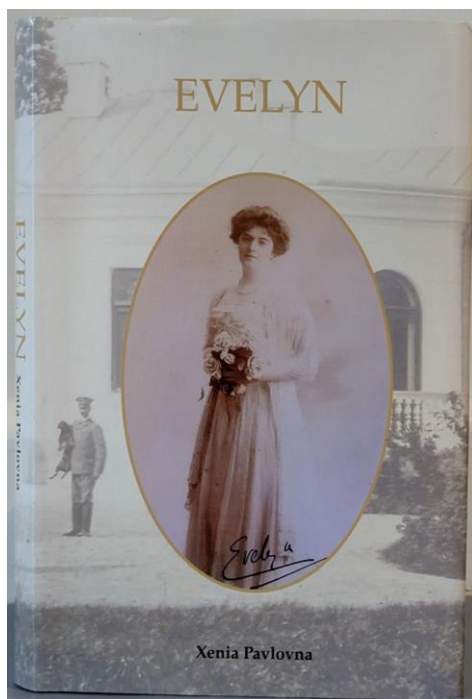
в Греции, где муж служил российским военным агентом накануне и во время Первой мировой войны.

В уютной библиотеке фамильного особняка Ксения Павловна рассказала о том, что вдохновило ее на написание книги, раскрыла тайны поисков в семейном архиве и поделилась личными воспоминаниями и размышлениями, благодаря которым история Ивлин обрела целостность и краски.

Ксения Павловна, именно так подписывается автор книги, не планировала публиковать свою работу, она была предназначена для детей и внуков. Она сама хотела наконец узнать бабушку по отцовской линии, которую никогда не встречала, так как родилась через два года после ее смерти, и, главное, рассказать о той, чье имя было не принято упоминать в семье долгое время из-за ее развода с бабушкой. «Она была позором семьи, настоящим позором», — призналась леди Мит. Это не научный труд, не биография и не мемуары в привычном понимании. Это, скорее, реконструкция жизни неординарной женщины на основе оставленных ею обрывочных воспоминаний, сохранившихся писем и свидетельств членов семьи. Приступить к своему исследованию Ксения Павловна решилась, уже отойдя от управления имением, после смерти старшего брата Павла, который был главным хранителем семейного архива.

Книга начинается мрачным эпизодом — первым допросом Ивлин в 1943 г.: «Портреты фюрера и Муссолини, висевшие бок о бок, сердито смотрели на меня сверху. Комендант поднял голову и окинул меня взглядом своих карих свинячих глаз. Вздыхнув, он взял ручку с бланком и гортанно спросил на английском: „Ваше имя, мадам?“ <...> Я посмотрела поверх головы коменданта на мрачные портреты и решила сотрудничать.

- Ивлин Рейно.
- Имя отца?
- Филипп Грин.
- Имя матери?
- Клементина Грин.
- Ваша девичья фамилия?
- Грин.

Обложка книги
Ксении Павловны Мит «Evelyn»
Cover of Xenia Pavlovna Meath's
book "Evelyn"

- Национальность?
- Француженка.
- Год рождения?
- 1880.
- Вы замужем?
- Да, за французом, Альбером Рейно.
- Разве вы не были замужем за русским генералом?
- Да, но это в прошлом.
- Наше прошлое, мадам, — это то, что нас разоблачает» [1, р. 1—2].

Ивлин Френсис Генриетта Грин — дочь капитана улан Филипа Грина (1844—1904) из семьи магнатов-судостроителей и леди Клементины Августы Спенсер Черчилль (1848—1886), представительницы высшей британской аристократии. Хотя она родилась с серебряной ложкой во рту, судьба не была к ней милостива с самого начала. Ее красавица мать умерла, когда Ивлин было всего шесть лет, и тут же отослали ее няню, посчитав, что девочка в таком возрасте уже достаточно взрослая, чтобы обойтись без няни. Ее растили слуги и гувернантки, образованием ведали приглашаемые на дом учителя. Она продолжала жить в имении аббатства Бейхэм в Кенте до того, как ее брат достиг 21 года. Отец навещал ее, но большую часть времени проводил в Лондоне. Брат Джек — Джон Чарльз Пратт (1872—1943) был сыном Клементины от первого брака с бароном Камденом, он унаследовал титул, имение и семейное состояние. Брат и сестра всегда были очень привязаны друг к другу и поддерживали связь. Джек помогал сестре всю жизнь, и Ивлин всегда возвращалась в аббатство Бейхэм, когда нуждалась в нем. Когда ей исполнилось тринадцать лет, пришла пора передать Бейхэм Джеку: отец объявил Ивлин, что они покидают имение. Он уже несколько лет женат и даже имеет сына, а ей не сообщали об этом «для ее же блага». Через месяц состоялся переезд в Лондон, знакомство с новой семьей. Ивлин стала посещать школу. По достижении восемнадцати лет девушку представили ко двору. Ее поручителем выступила Консуэло, герцогиня Мальборо — родственница по материнской линии. Ранним годам посвящены довольно большие и откровенные части книги. Несомненно, эти годы повлияли на становление характера Ивлин, выбор ею жизненного пути.

Светская львица, любительница приключений и шумных компаний, тенниса, крокета, гольфа и пикников, она предпочитала, скорее, круг друзей, чем тихие вечера дома с семьей. Также Ивлин любила и умела принимать гостей. Проводя бурный зимний сезон 1906 г. на Лазурном побережье вместе с друзьями, она получила приглашение на бал, что давал великий князь Михаил Михайлович и графиня де Торби. Ивлин была знакома с великим князем с детства, он дружил с ее родителями и часто посещал их. Великий князь попросил Ивлин присмотреть за молодым русским офицером, недавним участником русско-японской войны, поправлявшим здоровье на вилле великого князя и временно прикрепленным к его двору. Звали офицера Павел Павлович Гудим-Левкович. Молодые люди очаровали друг друга и много времени проводили вместе. Читаем в воспоминаниях Ивлин: «Я нашла взгляды этого русского офицера интересными, и определенно он прекрасно выглядел. Он свободно гово-

рил по-французски и немецки, а вот в английском использовал такие забавные выражения, что очень меня веселили» [1, р. 53].

Роман развивался стремительно, в ноябре они обвенчались в Лондоне, сначала в церкви Благовещения на Брайанстон-стрит по англиканскому обряду, затем в православной церкви при русском посольстве. Родители Павла Павловича не смогли приехать; пройдет год, прежде чем Ивлин познакомится со свекром, еще через год она побывает в России и познакомится со свекровью. В книге нет прямого ответа на вопрос: как же знатная британская леди решилась на брак с иностранцем, с русским военным? Павел Павлович мог предложить Ивлин лишь ту жизнь, что выпадает на долю офицера русской императорской армии, т. е. жизнь с бесконечными переездами и неизменным подчинением приказам начальства, службе и долгу. Его карьера шла в гору и обещала хорошие перспективы: ему начинали поручать дипломатические миссии. Основным же источником дохода оставалось офицерское жалованье, к которому прибавлялась оплата проживания. В 1907 г. Павла Павловича направили в Рим временно исполнять обязанности военного атташе. Время, проведенное там, Ивлин вспоминала как полное забот и впечатлений: «Павел был поглощен своей новой должностью, а наша светская жизнь становилась все насыщеннее. В Риме жило немало русских, хотя мы встречались с людьми самых разных национальностей. Русские вечера я находила немного утомительными — казалось, никто вовсе не собирается ложиться спать. Бесконечные чаепития из самоваров, непрерывные разговоры, длящиеся до глубокой ночи. Если на вечере присутствовал иностранный дипломат, никто не имел права уйти раньше него» [1, р. 59].

Ивлин вернулась в Англию, чтобы родить первого ребенка — дочку Киру, через несколько месяцев с младенцем и няней она приехала к мужу, но уже не в Италию, а в Канны, куда Павла Павловича перевели на должность адъютанта великого князя Михаила Николаевича. Вскоре Ивлин снова пришлось паковать вещи, так как мужа перевели в Санкт-Петербург, где она наконец познакомилась с его семьей.

Очень интересно читать страницы о поездке в Россию. Такой свежий взгляд иностранки, без предвзятости, но с живым любопытством наблюдателя: «Мы ехали гораздо медленнее, и я могла разглядывать сельские поселения, через которые проходил наш путь. Меня завораживало все, что я видела. Крестьяне были в высоких сапогах, женщины — в ярких платках. Евреи сразу бросались в глаза своими кафтанами, высокими шляпами и длинными завитыми пейсами по обеим сторонам лица. Каменные здания встречались лишь в крупных городах. В деревнях же все дома были деревянными. Даже в городках, если дом имел каменный фундамент, верхние этажи все равно были деревянными. Павел объяснил мне, что из-за перепадов температур дерево было лучшим материалом для сохранения тепла» [1, р. 68—69].

Поезд привез их во Владимир-Волынский, гарнизонный город на северо-западе Украины, он произвел на британку удручающее впечатление: «Единственным примечательным зданием <...> была церковь с золотым куполом. Мне казалось, я высадилась в Лондонском Ист-Энде. Это было самое безотрадное место, которое я когда-либо

видела. Всего несколько земляных улиц с деревянными тротуарами для пешеходов. К счастью, мать Павла выстроила собственный дом и обнесла его добротным деревянным забором, отгородившись от остального города. Вскоре я узнала, что ее дом был единственным во всем поселении, где имелись ванная и уборная» [1, р. 69].

Няня тоже не одобрила состояние русских домов, они не соответствовали ее санитарным требованиям. Буквально через несколько дней Павел Павлович уехал, чтобы вернуться к обязанностям адъютанта, а свекровь перевезла всех в принадлежавшее ей село Охновка, чтобы провести там лето: «Наша коляска ехала по любопытной сельской местности — черноземной, ровной и почти без каких-либо приметных особенностей. Лишь изредка деревья обозначали границы участков. Земля была разделена на луга и поля с хлебом. У каждого деревянного дома имелся собственный надел, где растили вишню, абрикосы, яблоки, орехи и, конечно, овощи. Мне рассказали, что в конце лета здесь всегда стоит суета: нужно успеть заготовить все фрукты, овощи и мясо к долгой холодной зиме» [1, р. 72].

Для Ивлин, привычной жить у моря, такие большие плоские пространства казались несколько депрессивными. Но длинные поездки верхом, охота на зайцев в компании сестры мужа и простое теплое гостеприимство крестьян произвели на нее самое приятное впечатление.

В сентябре Павла освободили от его обязанностей при великом князе Михаиле Николаевиче и он вернулся в Санкт-Петербург. Теперь он был прикреплен к Генеральному штабу, снял квартиру на Васильевском острове и ждал там семью. Санкт-Петербург поразил англичанку: «Я с волнением ожидала увидеть этот прекрасный город, и он оказался еще величественнее, чем я представляла. Широкие улицы были обрамлены ярко окрашенными изящными домами и дворцами. Золотые купола церквей ослепительно сверкали на фоне неба. На Невском проспекте располагались роскошные магазины, где продавались товары со всего света. Прекрасные сибирские меха выставлялись в витринах в преддверии зимы. Специи с Востока, деликатесы с Запада, духи из южных стран — здесь не существовало вещи, которую нельзя было бы купить. <...> Однако вскоре мне вновь напомнили, как утомляют меня бесконечно долгие русские вечера. <...> Ночь тянулась бесконечно среди разговоров, от которых я быстро уставала. К счастью, большую часть времени беседы велись по-французски, на языке, который был мне ближе всего. Русскую же речь редко можно было услышать в обществе, ее использовали дома, главным образом для общения с прислугой» [1, р. 78].

Ивлин с восторгом описывает петербургскую зиму: сани, катки, проложенные по замерзшей Неве, трамвайные рельсы и сезонные балы. Нева замерзла, и няня катала коляску по льду, чтобы гулять на другом берегу в парке. Ивлин мечтала встретиться с царской семьей, но этого не случилось. В книге им посвящено буквально несколько строчек и довольно критических: «Они жили затворниками в Царском Селе, стараясь не привлекать к себе внимания. После волнений 1905 года и последовавших беспорядков в стране царил беспокойство. Семья, казалось, не пользовалась популярностью, тогда как правительство едва справлялось с нарастающим недовольством ра-

бочих, добивавшихся представительства. Меня поразила история, о которой я вскоре услышала: после благотворительной ярмарки, где мне довелось помогать, вся выручка была передана императрице, и, как оказалось, она немедленно отправила эти деньги в Саксонию, своим людям» [1, р. 80].

В мае Павлу Павловичу предложили пост военного агента в Греции, и им снова пришлось переезжать. Ивлин нравился дипломатический мир, греческие принцы и принцессы часто бывали у них в гостях, и они развлекали друг друга шарадами, музыкальными вечерами, театральными постановками и пьесами, которые сами придумывали. В семейном архиве Гудим-Левковичей сохранились альбомы с большим количеством фотографий и материалов о тех театральных постановках.

В 1910 г. Ивлин вновь побывала в России. На этот раз они ехали через Одессу в Житомир, где свекровь сняла на лето большой дом, чтобы разместить разросшуюся семью: в том году у Ивлин родился второй ребенок — сын Павел. Вместе с ними приехала прислуга, а также две собаки, которых хозяйка не решалась надолго оставлять в Греции. Супруги съездили в Киев, однако, что интересно, Житомир произвел на англичанку более благоприятное впечатление.

В Греции Гудим-Левковичам было суждено провести десять лет, в этот период их привычный мир рухнул. Начиная с 1912 г. рассказ идет несколько отрывисто и скороговоркой: Первая Балканская война, убийство короля Греции Георга I, участие Павла Павловича в мирных переговорах. С начала войны Ивлин редко виделась с мужем, который постоянно был занят. Супруги старались чаще переписываться. Чтобы занять себя, Ивлин стала помогать в госпитале ухаживать за ранеными. Она тонко описывает абсурдные ситуации и настоящие драмы, складывающиеся между делегациями враждующих стран. Так, пришлось прибегнуть к хитростям, чтобы собрать их вместе на корабле и отвезти во Флоренцию, где был ближайший картографический институт, способный нарисовать новые линии границ на карте. Представителей Германии, Австрии и Италии везли тайно ночью на разных машинах с выключенными фарами, тогда как делегации Греции, России, Англии и Франции утром провожала большая толпа во главе с архимандритом, с благословениями и приветственными криками.

Следующие страницы проникнуты тревогой: все, хотя и старались надеяться на лучшее, чувствовали, что большая война уже неотвратима. Слухи становились все страшнее. Ивлин боялась, что муж потеряет дипломатический пост, его отправят в полк и он погибнет на фронте. Возвращаться в Россию она не планировала, предпочитая остаться с семьей брата в Бейхэме, однако родные были непреклонны: ее место, настаивали они, рядом с мужем. После короткого отпуска в Англии Ивлин с детьми снова отправилась в Грецию. Путь пролегал через беспокойную Европу, начиналась война, движение поездов ограничивали, шла мобилизация. Любопытно, что в своих записях Ивлин почти не говорит о детях, упоминает их лишь мимоходом, когда речь идет о переездах, и без особых чувств. Видимо, так проявляется британская сдержанность и представления о месте детей в жизни взрослых.

Семье повезло, они пережили Первую мировую войну в Греции, которая была нейтральной страной, поэтому в ней было относительно спокойно. Английские и французские военные корабли помогали со снабжением. Павел Павлович хотел бы вернуться в свой полк, но такого приказа не было, он оставался на своем посту. О сложностях дипломатической жизни рассказывается в деталях: «Мне, быть может, стыдно это признать, но я ужасно скучала от однообразия. Дипломатические приемы теперь не устраивались. Каждый знал кого-нибудь, кто был убит или тяжело ранен в сражениях с немцами. И все же нам приходилось вести вежливые разговоры с австрийскими и немецкими военными атташе и послами» [1, р. 130].

Павел Павлович оказался втянут в весьма неприятную историю, связанную с выполнением приказа штаба армии организовать перехват телеграмм для австрийского и немецкого представительства: «Первые месяцы все шло благополучно, но неизбежное случилось. Почтовый клерк проболтался своему начальнику, а тот немедленно сообщил обо всем греческому правительству. Плохо осведомленная пресса распространила слух, будто русские перехватывают и правительственные телеграммы самой Греции. Российского посла вызвал к себе разгневанный король и потребовал немедленно отстранить военного атташе от должности. Генералу Гудиму-Левковичу был запрещен доступ в королевские круги.

Мы всегда поддерживали прекрасные отношения с королевской семьей. Константин, еще будучи наследником, нередко бывал у нас на приемах и вечерах. Теперь же почти все дипломаты сторонились нас и мы оказались в изоляции. Посол предложил не появляться на официальных мероприятиях, чтобы избежать неловкости. Но я настояла на обратном: правда должна быть известна, и нам не о чем стыдиться. Мы продолжали посещать все приемы, и даже члены королевской семьи сохраняли по отношению к нам любезность. Вскоре шум улегся, но то легкое чувство непринужденности, которое прежде сопровождало наше общественное положение, так и не вернулось» [1, р. 130—131].

Новости об отречении царя и установлении Временного правительства дошли до них в марте 1917 г. Что оставалось делать? Лишь продолжать исполнять свои обязанности и ждать новых приказов. Вскоре в Константинополь начали прибывать первые русские беженцы и Павла Павловича направили туда для помощи в их размещении. Для него это стало и возможностью узнать свежие вести с родины. Через несколько месяцев он вернулся к семье с еще более тяжелыми новостями: Временное правительство пало, власть перешла к большевикам, и послу сообщили, что в его услугах больше не нуждаются. Выплаты прекращались, посольство предписывалось закрыть. В одно мгновение уважаемые представители дипломатических кругов превратились в фактических беженцев — без денег, без статуса, без будущего.

Каждому подданному бывшей Российской империи предстояло сделать выбор: вернуться в охваченную смутой страну или искать новую жизнь за ее пределами. Павел Павлович решил присоединиться к Белому движению и продолжить борьбу. Ивлин с детьми переехала в пансион на окраине Афин, оставив при себе лишь

одну горничную. Скромного личного дохода должно было хватить, чтобы продержаться до конца войны, а потом попытаться вернуться в Англию, где, как она надеялась, ей поможет брат Джек.

Хотя Греция сохраняла нейтралитет в Первой мировой войне, известия об окончании войны вызвали ликование и большие празднования. Вернуться в Англию все еще было невозможно, надо было ждать, когда Средиземное море очистят от мин и восстановится хоть какое-то пассажирское сообщение. Как сказано в книге, Павел Павлович вернулся через девять месяцев проживания Ивлин в пансионе, чтобы организовать переезд семьи в Англию. Ивлин шокировал его внешний вид и настрой: «Однажды вечером, в начале декабря... Павел вернулся — поседевший, усталый, с опущенными плечами. Он поздоровался коротко, словно и не уезжал вовсе, и тяжело опустился в кресло. Его некогда безупречно начищенный мундир был покрыт пылью; я заметила, что не хватает пары латунных пуговиц, а прежде блестящие кожаные сапоги стерлись и потускнели. Спрашивать, удалась ли ему миссия, не было нужды. Я налила ему стакан виски. Наполнив и свой, села рядом ждать, что он скажет. <...> Видеть такого некогда гордого офицера царской армии, исполненного уверенности, ставшего теперь немногословным, почти безмолвным, было трагично. Несмотря на собственное потрясение от всего произошедшего, я глубоко сочувствовала ему. Это уже был не тот человек, за которого я выходила замуж» [1, р. 141].

Покинуть Грецию они смогли только летом 1919 г. Супруги решили переехать на юг Франции, с которым было связано много хороших воспоминаний о былой жизни и где жили некоторые старые друзья семьи. Девятилетнего сына Павла отправили в школу в Англию, у семьи не было возможности платить за его переезды во время каникул, принимать его у себя согласился Джек. Также Джек помог с покупкой недорогого дома в деревне Ла-Наполь недалеко от Канн. Дочка Кира стала посещать школу для девочек в Каннах.

Павел Павлович решил посвятить себя сохранению памяти об утраченной России, он стал собирать коллекцию русской военной формы, знаков различия, регалий и памятных вещей, связанных с историей армии. Со временем в его доме был устроен музей. Второй его страстью и делом жизни стало создание коллекции оловянных солдатиков, в которой были представлены все полки русской императорской армии. Солдатиков Ивлин привезла из Англии, и Павел Павлович раскрашивал их в соответствующие цвета и рисовал на них положенные знаки различия.

Последние страницы книги посвящены объяснению решения Ивлин о разводе. В свои 39 лет, будучи еще полной жизни женщиной, она не могла смириться с тем, что ее муж стал тенью себя прошлого, не хотела запираить себя в старом доме, где вся жизнь была подчинена сохранению памяти уже несуществующей страны, православным ритуалам и праздникам, а также военной коллекции. В доме постоянно собирались русские эмигранты, а в 1923 г. к ним смогли приехать сестра Павла с сыном. Ивлин хотелось жить настоящим и жить весело. Она оформила развод и снова вышла замуж, сначала за Люка Хансарда, затем — за Альбера Рейно. Дети виделись с ней и называли ее нового мужа «дядя Альбер». Семья Ивлин не одобрила ее ре-

шение, но смирилась. Джек, а после его смерти его семья, не оставляли Павла Павловича и детей, всегда относились к нему с большим уважением.

Ивлин старалась наслаждаться жизнью, проводила время на прогулках и пикниках, коктейльных вечерах и фуршетах. Но куда бы она не приезжала, повсюду ощущались следы утрат и упадка: слишком многое изменилось после войны, слишком многих уже не было, прежний блеск ушел безвозвратно. Общие друзья время от времени приносили ей вести о детях и бывшем муже. Хотя близких отношений с детьми у нее не сложилось, она искренне тревожилась за их судьбу. Затем началась Вторая мировая война. Однажды в баре во время оккупации Франции Ивлин позволила себе язвительные замечания в адрес немецких офицеров и неосторожно упомянула о своем родстве с Уинстоном Черчиллем. Ее арестовали. Затем последовали допросы, лагерь.

Книга завершается эпилогом, где приведено письмо Ивлин из лагеря Либенау, адресованное послу Алексу Уилборну Уэддлу, датированное 25 октября 1943 г. В нем она пишет, что никаких официальных обвинений против нее не выдвинуто, кроме упомянутого родства, и выражает надежду, что ее смогут обменять на немецкого пленного. Последняя строка книги сообщает: попытки дипломатов добиться ее освобождения успеха не имели; Ивлин Рейно умерла в лагере Либенау 12 сентября 1944 г.; ее могила в Либенау обозначена.

Книга не является научным трудом, в ней нет библиографии, источников, указателей и даже сносок. Она не претендует на статус серьезного исследования или мемуаров. Автор не бралась за толкование исторических событий, описание их сложного контекста, предпосылок и фактов. В то же время это не исторический роман, хотя только автор знает, где проходит граница между текстом самой Ивлин и последующими дополнениями. Мы затрудняемся определить жанр. Скорее, использованное самой Ксенией Павловной указание «реконструкция жизни» является самым точным. Книга снабжена иллюстрациями из архива семьи Гудим-Левковичей. По прочтении книги читатель проникается симпатией к Ивлин, понимает ее мотивы. Ее желания и мечты, характер, сложившиеся обстоятельства и высокие ожидания общества заставили ее сделать свой жизненный выбор. Складывается впечатление, что в какой-то момент она пожалела о принятых решениях, но обратной дороги уже не было, вмешалась следующая страшная война.

Труды Павла Павловича Гудим-Левковича не пропали даром. Переживая за судьбу своей обширной коллекции, он добился разрешения перевезти ее в 1942 г. в Копенгаген, где она стала частью собрания Датского военного музея. В этом ему помогли связи с королевской семьей Дании. Позже он и сам переехал в Копенгаген. Сегодня экспонируется лишь небольшая часть коллекции Павла Павловича, но весь архив каталогизирован. Судьба же коллекции солдатиков пока неизвестна, ей не нашлось места в Копенгагене, и Гудим-Левкович отправил ее в США знакомым русским эмигрантам, но ее следы затерялись. Две тысячи миниатюрных солдатиков, раскрашенных вручную, где-то лежат и хочется надеяться, когда-нибудь найдутся.

По окончании Второй мировой войны Павел Павлович вернулся на свою виллу в деревне Ла-Напуль. Внучка Ксения помнит, как ее возили туда совсем малышкой, помнит и общение с дедушкой. Павел Павлович Гудим-Левкович умер в 1953 г. и похоронен на местном кладбище.

До сих пор существовало только две книги о Гудим-Левковичах: биография Павла Гудим-Левковича на датском языке, написанная Якобом Серупом — куратором музея Борнхольма (Дания) [2], и трехязычный (датский, английский, русский) каталог его коллекции [3]. Книгу «Ивлин» стоит считать частью истории семьи Гудим-Левковичей. Это женский взгляд на исторические события и биографию русского генерала, взгляд иностранки, лишенный идеализации и ностальгии по ушедшей России. Детали, бытовые мелочи и эмоциональное содержание сложных отношений в дипломатических кругах с их драмами и затруднениями — достойное дополнение строгих академичных изданий. Кроме того, книга «Ивлин» важна для сохранения исторического наследия русской эмиграции.

Список источников

1. Xenia Pavlovna. Evelyn. Bray : Central Press Bray Ltd., 2025. 170 p.
2. Seerup J. Den Russiske General: Et liv for Zaren. Odense : Syddansk Universitetsforlag, 2019. 336 s.
3. Глазков В. В., Серуп Я., Попов С. А. Русская коллекция Датского военного музея : каталог. М. : Русские витязи, 2021. 420 с.

References

1. Xenia Pavlovna. Evelyn. Bray, Central Press Bray Ltd., 2025, 170 p.
2. Seerup J. Den Russiske General: Et liv for Zaren. Odense, Syddansk Universitetsforlag, 2019, 336 p. (in Danish).
3. Glazkov V.V., Seerup, J., Popov S.A. Russkaya kolleksiya Datskogo voennogo muzeya, katalog [Russian collection of the Danish War Museum. Catalogue]. Moscow, Fond “Russkiye vityazi”, 2021, 420 p.

Информация об авторе

Быкова Анна Сергеевна — кандидат политических наук, независимый исследователь, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Грейстоунз, Ирландия. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Information about the author

Anna S. Bykova — Candidate of Political Sciences, independent researcher, member of the Greystones Archaeological and Historical Society, Greystones, Ireland. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 27.10.2025.

The article was submitted 26.09.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 27.10.2025.